

АНТОН АЛЕЕВ

Синдром Икара

АНТОН Алеев
Синдром Икара

«Издательские решения»

Алеев А.

Синдром Икара / А. Алеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859273-7

История расследования серии необъяснимых и зловещих космических происшествий, которые привели к человеческим жертвам. Дознаватель службы Космической Безопасности Ян Вайс пытается разобраться во всех деталях случившегося. Со временем происходят все новые чрезвычайные события, которые только запутывают дело и заставляют задуматься, что стоит за деструктивными силами — человеческий умысел или невиданная доселе враждебная космическая сущность.

ISBN 978-5-44-859273-7

© Алеев А.

© Издательские решения

Синдром Икара

Антон Алеев

© Антон Алеев, 2017

ISBN 978-5-4485-9273-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

– Кстати, заметьте, Вайс, – сказал Фредерик Логан, брюзгливо рассматривая содержимое стеклянного бокала с мутноватой жидкостью багряного цвета, – У них там все специалисты по атомному синтезу – молоденькие блондинки с размером бюста не меньше третьего. Вот это, я понимаю, загадка.

Мужчина, к которому Логан обращался, только покачал головой.

– Ничего сверхъестественного! – лениво отозвался третий собеседник за столом – Мирослав Кежич. Он был худ, костляв и высок. – Я полагаю, это условие они прописывают в своих вакансиях.

– Очень смешно, – Логан поджал губы и осторожно отпил из бокала. – Если учесть, что они попадают туда напрямую из профильного института, в который поступают пятнадцати лет отроду. Вы хотите сказать, они *уже тогда* знают?..

– Я вам хуже историю расскажу, – наконец сказал Ян Вайс, откидываясь в кресле, и, одновременно, расстёгивая верхнюю пуговицу форменного штурманского кителя гвардейского флота. – Как-то к нам на «Бета-Ковчег» прислали стажёрку. Хорошую такую стажёрку. Типа этой вашей атомницы. Входит она в нашу кают-компанию, в которой полтора десятка рыл и синё от сигаретного дыма, а Нил Крокус по прозвищу Стальной Шип, ну вы все знаете его, выпяливается на неё во все глаза, нарочно, конечно, и цедит сквозь зубы, явно играя на публику, мол, ну и передок у крошки, неужто же всё настоящее? Рассчитывая несомненно, что новенькая, потупив глазки и залившись алым румянцем, попытается бочком-бочком испариться куда-нибудь подальше. Однако всё идёт не по сценарию. Девочка, сверкнув глазами, подходит прямо к космическому волку, подбоченивается и спрашивает – Что, нравятся? Нилу, чтобы не выглядеть идиотом, приходится что-то утвердительно мычать. Тогда малышка театральным жестом вручает ему визитку и выпаливает: Силиконовая клиника Аэлита, сэр! Всего пятьдесят кредиток и вам сделают такую же!

Кежич захохотал, а Логан, напротив, нахмурился ещё сильнее и поставил бокал на ресторанный стол.

– А мы не опоздаем? – озабоченно поинтересовался он через секунду, зачем-то охлопывая себя по бокам.

– А куда ты собрался опаздывать, если не секрет? – в свою очередь спросил Ян.

– Ну... – Логан затруднился, – Собственно я полагал, что мы пойдём все вместе, кхгм, так сказать...

– А на вас не сделали пропуск, – сообщил Кежич, всё ещё улыбаясь.

– То есть как? – удивился Логан, – Позвольте, у меня же чёткое задание доставить вас на Тривию. В составе группы дознания...

– Доставить группу дознания, – уточнил Вайс, – что вы блестяще и выполнили.

– Но позвольте, я полагал...

– Рессинг дал понять, что в клинику вам пропуск не положен.

– Это странно, – Логан пожал плечами и глянул на Кежича, но тот смотрел на проходящую мимо официантку.

– Не положен, из-за отсутствия у Фредерика Логана чувства юмора, так он выразился – сказал Ян совершенно серьёзным тоном. – Поэтому мы с Мирославом, с вашего позволения...

– Ерунда какая-то, – раздосадовано пробормотал Логан в пространство. – Тут настоящая дыра, никакой культурной инфраструктуры! Что прикажете мне делать?

– Не расстраивайтесь так, коллега, – Кежич потрепал его по плечу, вставая из-за стола. – Девочки из местной капеллы очень любят слушать рассказы бывалых звёздных пилотов первого класса. Время пролетит незаметно, уверяю вас.

– Идите вы к чёрту, – беззлобно огрызнулся Логан, и опрокинул в рот оставшееся содержимое бокала...

2.

Коридоры в клинике были прозрачными и длинными. Ян подумал, что крикни он что-нибудь сейчас – и стеклянные стены подхватили бы звук звонким эхом.

Они с Кежичем шли по переходу между корпусами в отделение карантина.

В коридоре больше никого не было, лишь в самом начале пути им навстречу попался лаборант, толкающий перед собой каталку с вихляющим колесом.

– А вы знаете бородатый анекдот про врача, который на всякий случай щупал у себя пульс, когда оказывался в одиночестве в больничном коридоре? – поинтересовался Мирослав мрачным голосом.

– Нет, – без тени иронии отозвался Вайс. – Но нужно отметить, что у вас необычная манера рассказывать анекдоты.

– Ну, возможно, – не стал спорить психиатр, – Нас, я имею в виду врачей, все считают циниками, хотя на самом деле мы скорее перфекционисты.

– Интересная мысль, – отозвался Ян, – Только какая связь?

– Никакой, – Кежич покачал головой, – Это отвлечённое рассуждение... Послушайте, Ян, я не могу удержаться, чтобы не спросить... Не знаю насколько это уместно и этично...

– Валяйте уже.

– Там... На Марине... Когда всё произошло... Вы уж извините, но почему вы побежали вперёд? Что вами двигало? Всё о чём вы мне скажете, разумеется, будет относиться к врачебной тайне и я никому...

– Дело не в этом, – перебил Вайс и тут же непроизвольно у него перед глазами запрыгали вспышки. Мириады крошечных молний, долбивших изрытую поверхность планеты. Разряды, освещающие сполохами изъеденную разрезами рвов землю. Жуткий вой в аудиофильтрах от ураганного перемещения атмосферных масс. Тогда ему казалось, если на поверхность Марины посмотреть с высоты птичьего полёта, то можно увидеть ухмыляющееся щербатым ртом уродливое лицо.

Странно, он спросил «что двигало?». Ни «почему?» или «зачем?», а «что двигало?».

– А это у вас, простите, профессиональный интерес?

– Упаси бог, – Мирослав отрицательно замахал руками. – Использовать вас в качестве пациента – увольте! Я так... С общечеловеческой точки зрения.

По-человечески, подумал Ян. Все мы хотим, чтобы было по-человечески. Но там, на Марине, человеческого было ничтожно мало. И оно, человеческое, не помогло. Ни мне, ни, тем более, Мак-Грегору.

– Я не знаю, что вам сказать, Мирослав. Вот честно – не знаю. А если скажу официальную версию, то вы ведь не поверите... И не потому, что я там чудовищно рефлексирую из-за этого инцидента или ещё что-нибудь в этом духе... Просто всё, что касается Марины – это отдельная тема. И ей очень тесно в общечеловеческих рамках.

– Хм, – протянул Кежич несколько озадаченно.

– Космос не любит нас, – сказал Ян, после некоторой паузы. – Это противоестественная человеку среда. Она не приспособлена для жизни таких организмов. Во всём виноват лишь наш неуёмный антропоцентризм. Мы вторгаемся в область, где нас никто не ждёт. Никто не просит нас туда продираться, понимаете? Пространство нас отторгает. Но нам для чего-то нужно раз за разом, с упрямством раненого осла, это делать. Лезть на рожон, поигрывая безрассудностью. Не понимаю!

– Что тут понимать? Естественная тяга к познанию...

– Ну да, синдром Икара.

– Вы слишком пессимистичны, Ян. Процент неудач ничтожен по сравнению с достижениями.

– Не смешите меня. То, что вы стыдливо называете «неудачами» на самом деле прерванные жизни. Это самые что ни на есть реальные трагедии человечества.

– Мне не нравится ваше сегодняшнее настроение, – Кежич прищурился и осуждающе глянул на коллегу.

– Мне и самому не нравится, – признался Вайс. – Вон, нам туда, мы почти добрались.

Коридор закончился, они прошли через магнитные стеклянные двери и оказались в блестящем приёмном терминале. Пока Вайс оглядывался по сторонам, Кежич пообщался в регистратуре с миловидной блондинкой в форменном халатике и уверенно увлёк Яна к лифту.

– Кабинет заведующего на пятом этаже, – шепнул он, – Не думаю, что нас там ждут с распростёртыми объятьями, но, надеюсь, чтобы прорваться, нам не придётся брать в заложники секретаршу!

3.

У заведующего отделением карантина было отдуловатое круглое лицо с неприятными прожилками тонких синих капилляров на щеках, редкие жидкие волосы, едва прикрывающие лысую макушку и толстая морщинистая шея.

Он сидел в кресле за большим столом и сосредоточенно крутил старый чернильный стилус между пальцами, пока Кежич излагал их с Вайсом полномочия.

– А что тут неясного? – хриплым голосом произнёс он, когда Мирослав замолк.

– Ровным счётом ничего, – сухо сказал Вайс. Недоброжелательность заведующего раздражала. – Но существует предписание, что официальные лица, вне зависимости от занимаемой должности обязаны всячески способствовать деятельности сотрудников управления службы Космической Безопасности, и в особенности представителям её Отдела Дознания, – он небрежно указал на себя пальцем, – В противном случае...

– Я и не собирался вам препятствовать, – поспешно сказал доктор Моррис, – Я к тому, что случай довольно заурядный.

– Заурядный? – вклинился Кежич, – То есть вы постоянно наблюдаете таких пациентов?

– Каких таких? – снова ошетинился заведующий, – Налицо острое психопатическое расстройство, обусловленное синдромом Гауди-Михельсона. У космолетчиков такой синдром не редкость!

– Всё так просто?

– Насколько я могу судить по анамнезу и предварительному осмотру – да.

– Вот и чудненько, – Вайс улыбнулся через силу. – Как только мы в этом убедимся лично, остальное превратится в пустую формальность.

– А у вас есть медицинское образование? – не без доли ехидства поинтересовался доктор.

– Послушайте, док, – Кежич перешёл на панибратский тон. – К чему эти сложности? Давайте решим вопрос к всеобщему удовлетворению. Было бы из-за чего идти на конфронтацию, а?

– Ваши допросы могут повлиять на процесс лечения, – упрямо отозвался Моррис. – В таком состоянии больные в большой степени подвержены внешним воздействиям. К тому же, наверняка, негативным.

– Это будет не допрос, а беседа, – поправил Вайс.

– Ну-ну, знаем мы ваши методы... – заведующий рассеяно постучал стилусом по поверхности стола. – Нет, не поймите меня неправильно, я вовсе не намерен препятствовать вашему, так сказать... кхе-кхе...

– Нам нужно два отдельных кабинета. Общаться с фигурантами мы будем один на один, перекрёстно, – сказал Ян. – Никаких санитаров или медсестёр. Конфиденциально. Кроме этого – полный доступ к информаторию клиники, резервная линия связи с синхронизатором круглосуточно.

– Что, всё действительно настолько серьёзно? – доктор нахмурился и исподлобья глянул на собеседников.

– Кроме того, с вами тоже состоится официальная беседа под протокол. Вы обмолвились, что это не первый случай.

– Позвольте! Я же имел в виду совсем другое!

– Не важно, – мягко заметил Мирослав. – Просто пообщаемся чуть позже. Ничего страшного.

– Что за чушь! – возмущённо воскликнул Моррис. – Что вы тут мне пытаетесь предъявить?!

– Успокойтесь, прошу вас, – ровным голосом произнёс Вайс. – Правила одинаковы для всех. И будьте добры распорядитесь насчёт кабинетов, мы готовы приступить минут через пятнадцать, правильно, Мирослав?

4.

Ян Вайс и Эван Мак-Грегор не были друзьями. Обычная психологическая совместимость. Обязательный тест какого-нибудь заштатного ксенопсихолога с периферии. В такие миссии не отправляют несовместимых по типу людей. Космос, знаете ли. Ошибки обходятся слишком дорого, чтобы недооценивать акценты ментальности. Специфика внешней изоляции.

Три земных месяца – срок для миллиардов парсек мизерный. Он очень мал даже для человеческой жизни. В абсолютном значении, разумеется, без применения всяких коварных общих теорий относительности, сингулярностей, мультиверсов и прочая, чем любят баловаться физики, ввергая своих дам в почтительное удивление.

Рабочая командировка. Рутинная, тривиальная донельзя. С небольшим, как казалось вначале, нюансом. Вокруг была Марина. Эта планета выбивалась из рамок представления о мирах, введённых в сознание обывателя художественными описаниями, фильмами, визиомами. Она неприятно поражала даже бывшего штурмана глубокого космоса Яна Вайса.

По банальной иронии судьбы, Яна не должно было быть на этой планете вовсе. В это время его не должно было быть в космосе в принципе. Потому как в октябре он планировал сидеть в своём дачном домике на берегу Бискайского залива и заканчивать научную статью для журнала на тему «Стохастические процессы в методах интегрирования логий для кораблей типа ТМГс, «Мираж-М» и «Мираж-2».

Он должен был быть на Земле.

И когда от Ильмара Иртыса, своего бывшего непосредственного командира пришёл вызов, он не придал этому особого значения. Но Вайс слишком уважал адмирала и был ему даже в чём-то обязан. Только поэтому он, вопреки планам – а вы знаете, что рыбалка в это время года в Бискайском заливе просто потрясающая? – оказался с напарником на Марине. Долги нужно было отдавать. И цена не выглядела чем-то из ряда вон. Обычная исследовательская командировка. Срочно понадобился надёжный человек, адмирал порекомендовал, руководство одоб-

рило... Направление считалось перспективным – таинственная планета в западном секторе дальнего космоса. По данным предварительной разведки зондами – богатая редкими природными минералами. Особых умений не требовалось, на этом этапе проводились в большей степени наблюдения и сбор данных. А вот протокол секретности был активирован, поэтому послать на Марину сотрудника без определённого доступа было нельзя. Так Ян очутился вдалеке от дома, на неизведанной пока планете в паре с ещё одним непрофильным специалистом.

Оказался, потому что никто не умеет предугадывать будущее. В какой-то степени, он был даже рад. Там, вдалеке от Земли, отрезанным от мира, ему казалось проще забыть про всё, что никак не давало ему покоя. Забыть про Миранду Хесс. И про всё, что с ней было связано. А статья могла и подождать. Неплохое оправдание для того, чтобы отложить скучные стохастические процессы, не правда ли?

В первые дни командировки они с Мак-Грегором разговаривали неприлично много. О женщинах. Да. Любая другая тема сводилась, в конце концов, к одной.

К сучкам.

Так женщин в большинстве случаев называл его напарник. Ян не был согласен с таким определением, но терпеливо выслушивал. Потому что Эвану не нужен был собеседник в этом вопросе. Ему нужен был слушатель. А на нечеловеческой планете Марина таким слушателем мог быть для него только Вайс.

Первая жена-сучка. Она подарила Мак-Грегору двоих детей. Мальчика и девочку. Мальчик родился с пороком сердца. И Мак-Грегор знал из-за чего. Из-за того, что эта глупая размалёванная сучка накачивалась в период беременности транквилизаторами.

Она выходила из себя по любому поводу, Вайс. Не поверишь, но стоило мне оставить щётку в раковине, она налетала фурией и устраивала скандал. Или если я неплотно закрывал дверь на балконе, когда выходил курить. А потом, перед сном, она закатывала истерику, рыдала, отвернувшись в подушку, и жрала эти гребанные таблетки!

Мальчик умер в возрасте четырёх лет. Через две недели, после того, как Мак-Грегор ушёл из семьи. А ещё через два месяца он поставил свою подпись под официальным уведомлением о разводе. Младшая девочка осталась с матерью.

Вайс, если ты меня считаешь скотиной, а я может скотина и есть, то ты не прав. Ты там не был, ты не находился в этом аду, когда хочется душить, душить и душить. Руками. Так что ты, отец, меня не совсем поймёшь. И даже осудишь. Но мне плевать, я ни разу не просрочил платёж по алиментам, усекаешь?

Это было странным, но Ян ловил себя на мысли, что тоже хочет рассказать что-нибудь Мак-Грегору. Про Миранду. Хотя какие могли быть точки соприкосновения у истории прекрасной Миранды и остальными историями многочисленных сучек Мак-Грегора? Уровень понимания был неприемлем. С таким же успехом Ян мог рассказывать об этом сенсорному дисплею. Всё, происходившее между ним и Мирандой, находилось в другой плоскости, в другом времени, в другом месте. Это был просто реликтовый фон, может и подвластный детекции органов чувств напарника, но никак не отождествляемый с действительностью. Химерный.

Лучшие шлюхи на Трёхпалой, Вайс. Настоящие сучки! В этом самом порту на Трёхпалой нужно пройти за грузовые пакгаузы и там спросить Угрюмого Калеку. Только не все тебе покажут это место. Народ там подозрительный, сам понимаешь. Но я тоже не лыком шит. Главное быть понаглей, понимаешь? А когда у тебя бинго в кармане и рядом валяется эта душистая сучка, всё становится много проще, Вайс. Если будешь в этих краях, сошлись на меня, думаю этот угрюмый убудодок надолго меня запомнил. Скажу тебе по секрету, там есть малолетки. И какие! Вот было у меня с одной – я просто закатал рукав до локтя, сжал пальцы в кулак и... ты не поверишь, Вайс, я бы и сам не поверил...

Наверное, и даже, скорее всего, Мак-Грегор рассказывал эти истории огромное множество раз. Грузчикам в речных доках. Случайному попутчику в планёре. Коммивояжёру, кото-

рый предложил ему купить механические часы. Другим сучкам. Священнику, от которого пахло свежей сивухой.

Возможно, со временем эти истории видоизменялись, полировались, приобретали законченный и более выгодный рассказчику вид. Но и обесценивались. С каждой своей интерпретацией. С каждым новым собутыльником. С каждым возрождением из пепла.

Иногда Вайсу казалось, что Марина тоже слушает Мак-Грегора. Слушает, и, проявляя свою нечеловеческую сущность, сплющивает воздух вокруг них. Как ребёнок от нечего делать сплющивает между пальцев резиновый мячик. От скуки.

Вначале Ян любил смотреть в обзорное окно станции на поверхность планеты. На творящееся там безумие. Но с каждым новым днём, с каждым новым просмотром в нём рос страх. За несколько дней до трагедии переросший в неприятие, в отвращение, в фобию. Обзорный вид стал инструментом комнаты пыток. Вайсу приходилось заставлять себя поднимать взгляд, чтобы смотреть наружу – исключительно из-за того, что этого требовала работа.

Редко, он видел себя как бы со стороны, некий плоский, вырезанный из картона персонаж, в декорациях огромной Марины. Инверсионная версия театра. Маски наоборот. Картонная фигура в живых, двигающихся, переливающихся декорациях. Но это позже. Когда Ян мысленным упражнением прокручивал этот отрезок. Во время катастрофы ни о каких глупостях и самоанализах речи не шло. Потом. Позже. Попытка холодного индифферентного подсчёта. Оптимизация депрессии. Неудавшаяся, впрочем, по большому счёту. Вайс знал, что будет великое множество раз спрашивать себя о произошедшем с ним тогда. И множество раз не получать внятного ответа.

5.

Помещение, которое определили Вайсу, было похоже на комнату для допросов. В ней не было ничего лишнего. Стол с матовой поверхностью, два стула. Слегка портила впечатление только древняя медицинская кушетка в углу и стеклянный шкаф со склянками.

На столешнице расположился стаканчик с разноцветными карандашами, рядом с ним – несколько листов писчей бумаги и толстенная папка с «делом» – история болезни.

Вайс смотрел на фигуранта скорее безучастно. Изучал черты лица, взгляд, реакции. Тот сидел расслабленно, поникшим взором смотрел вниз, в пальцах иногда тербил краешек больничного халата. В его движениях скользила вялость.

Его звали Йоган Стайне.

Пилот-экспедитор.

Возраст – 31 год.

Стаж – 6 лет.

Последний корабль – космический грузовик Эйджл.

Порт приписки – Мир Реконструкций, коммуникационный док.

Все вполне стандартно. Не новичок.

Ян вспомнил личностные характеристики из дела. Эмоционально устойчив. Профессиональные навыки на хорошем уровне. Слегка замкнут. Компрометирующих сведений нет.

Не густо.

Вайс снова посмотрел на фигуранта – тот так и сидел, не поднимая глаз.

– Итак, – сказал Ян в пустоту. – Вы утверждаете, что во время последнего полёта на вашем корабле произошёл несчастный случай.

Стайне резко вскинул голову, словно Вайс озвучил какую-то нелепую новость.

Некоторое время он смотрел на невозмутимого дознавателя, потом облизал губы и снова уставился на свои ступни.

– Да, – очень тихо подтвердил он.

– Отлично, – намерено бодро подхватил Ян. – Хочу отметить, что такие случаи вполне возможны в вашей профессии. Если бы вы знали статистику. Я к тому, что не стоит придавать этому какое-то исключительное значение. На длительных перелётах происходит всякое. Как вы себя чувствуете, кстати?

Йоган исподлобья глянул на собеседника.

– Я в порядке.

– Я интересуюсь, основываясь на данных из вашей истории болезни. Важно, чтобы ваше... недомогание не отразилось на качестве нашего общения.

– А что там? – всё так же тихо поинтересовался пилот. – В моей истории болезни?

– В основном там специализированные термины, полагаю, ничего по-настоящему серьёзного.

– Ну да, – Йоган неприятно улыбнулся самыми краешками губ. – И поэтому ко мне прислали СБ-шника.

– Считаете, мой визит продиктован вашим самочувствием? А не с инцидентом в полёте?

Некоторое время Стайне молчал. Потом пожал худыми плечами.

– Ладно, давайте ближе к делу, – Вайс перешёл на казенный тон. – С чем, на ваш взгляд, связано случившееся развитие событий?

– Событий?... – пилот явно затруднился. – Скажите... Может я не совсем, но... Вы про Мистера Смита?

– Естественно, – Ян непроизвольно нахмурился. – А разве было что-то ещё, что требует расследования?

– Просто вы с каким-то подвохом спрашиваете.

– Уверяю вас, нет. Мне нужно понять, что произошло. И с вашей помощью это сделать гораздо проще, вы не находите?

– Я знаю, что вы хотите от меня, – Йоган покивал головой, словно соглашаясь сам с собой, – Не надо быть гением, чтобы догадаться. Вам нужно найти виноватого, только и всего. Так проще. Я знаю, так у вас всё и делается...

– Давайте оперировать фактами, – Вайс начал внутренне раздражаться.

– Ну пишите, давайте. Да, я мог ввести аварийный код на разблокировку. Мог, да не смог. Не вспомнил. А когда нашёл – было поздно. Пишите!

– Стоп, стоп! – Вайс приподнял ладонь. – Так не пойдёт. Давайте с самого начала инцидента. Итак, Дональд Смит отправился в открытый космос, для ремонта антенного комплекса связи. Это была штатная проверка?

Пилот снова глянул на дознавателя с подозрением.

– Сами ведь всё знаете уже. Нет. Не штатная. Стала барахлить связь. Мы подумали, что накрылись несколько литиевых аккумуляторов в блоке питания.

– Мы?

– Ну да, мы. Я, Смит и Режди. Мы так подумали.

– Хорошо, дальше?

– Смит вызвался посмотреть, что там. Ну и... Отправился за борт.

– Дональд Смит вызвался сам и ли кто-то ему приказал или заставил, если вы понимаете, о чём я?

Стайне усмехнулся.

– Да это обычное дело. Что-то всегда ломается. Сегодня я иду чинить, завтра он.

– Что произошло потом?

– Да ничего не произошло. Смит вышел на обшивку и начал копать в этом гребанном блоке питания. Он копался там минут тридцать или сорок.

– Это долго? – поинтересовался Вайс. – В смысле, дольше, чем обычно?

– Послушайте... – пилот поднял голову. – Как вас там... Вы ищете несуществующие факты какие-то... Глупости... это... это не то. Как вам объяснить? Смит. Вот Смита возьмём. Он, перед тем как мы занялись этими антеннами, говорил разные вещи. Такие, что непонятно было, врёт он или нет. Он рассказывал про жуткие дела всякие...

Вайс заметил, как у собеседника дрогнул кадык.

– Кенетербергские плантации... Про Выпье племя... потом... ещё... про Сикору Пленителя... Вы слышали когда-нибудь про Сикору Пленителя?

– Нет, – сказал Вайс. – Это имеет отношение к делу?

– К делу... – протянул Стайне. – Это ко всему имеет отношение. Вы... Вы не то чтобы слепы, вы привыкли вычленять главное, принимать детали за второстепенные конструкции. Это всё сложно и одновременно очень-очень просто.

Пилот помолчал некоторое время. Ян терпеливо ждал продолжения.

– Страшит неизвестность, – наконец проговорил Йоган, – Поставьте перед человеком две определённые возможности, выбор распределится почти случайным образом с небольшой погрешностью в пользу любого варианта, а теперь замените одну из возможностей неопределённостью. И что мы увидим? Лавинообразное увеличение выбора в пользу предсказуемости. Это заложено в людской природе. Или странный и необъяснимый с точки зрения логики парадокс вероятности с тремя дверьми, за одной из которых приз. Парадокс Монти Холла. Увеличение вероятности одного исхода, как только открывается одна из дверей и за ней оказывается пустота. Наверняка вы слышали об этом. Это не поддаётся эмоциям, но научно вполне доказано. Очевидно с точки зрения теории вероятности, но непостижимо с точки зрения понимания. Я не знаю, что там увидел Смит, или, может, не увидел, не знаю. По большому счёту я не знаю, что там произошло.

Стайне снова облизал губы.

– Я был с ним на связи. Ну, понимаете, что-то вроде «привет, как дела? – иди в жопу, всё нормально» каждые контрольные пять минут. Потом был то ли вскрик какой-то, то ли магнитный всплеск. Я предполагаю, что Смит запаниковал. Не знаю, от чего. Я же не пялился на него в иллюминатор всё это время, я лишь поддерживал с ним связь, согласно инструкции. Потом... Не знаю, как сказать...

Стайне замаялся, подбирая слова. Казалось, это причиняет ему физическую боль. Он сморщился, забарабанил пальцами по коленке и как то весь сжался.

– Я... включатель замка внешнего люка не сработал. Я тупо нажимал на кнопку, но ничего не происходило. Я... растерялся... По инструкции нужно было воспользоваться разблокирующим кодом, ввести его вручную... Но я не смог его найти... сразу. Забыл, где посмотреть. Не смог...

– Почему?

Йоган коротко глянул на Вайса и вновь опустил взгляд.

– Я понимаю, то, что я сейчас скажу, покажется глупым или даже невысказанным, но... я услышал удары в дверь внутреннего шлюза.

– Погодите. Вы ведь сказали, что внешняя переборка не открылась, как же вы могли что-то услышать у внутренней?

– Не открылась. Но я слышал, как кто-то исступлённо колотит руками в дверь, умоляя впустить его. Как будто за его спиной стоит кто-то... чёрный, невероятно жуткий и тянет руки... И поэтому он колотит в дверь из последних сил. Я... всё вылетело у меня из головы, случился какой-то ступор...

– И как долго продолжался этот стук?

– Он не продолжался. Мне показалось, что это было один раз. Серия отчаянных ударов с той стороны шлюза и... всё...

– Что было дальше?

– Ничего. Через какое-то время я вспомнил про код, разблокировал внешний шлюз, но Смита там не было. Его не было вообще нигде. Каким-то образом у него оторвался основной фал, с которым он был соединён с кораблём. И ещё более непостижимым образом оказалась перерезана страховка, которой он пристегнулся к скобе возле антенного комплекса. Его унесло в открытый космос. И он умер.

– А Режди? Может, он что-то видел, слышал и если...

– Нет, – перебил пилот. – Откуда? Его не было там. Он готовил на камбузе ставриду в томатном соусе. Что он мог видеть? Глупости какие-то.

– М-да... – Вайс помолчал, обдумывая услышанное, – Конечно, нужно будет ещё уточнить некоторые детали... Впрочем, это можно сделать и позже. В целом ситуация понятна... А было что-то ещё, что выбивается, так сказать, из обычных представлений? В связи с этим инцидентом.

– Нет, – быстро сказал Йоган, затравленно оглянулся и, понизив, голос поинтересовался. – А что, вам уже кто-то донёс?

– О чём это вы? – удивился Ян.

– О мальчике...

– О каком мальчике?

– О том, который сидит у меня в шкафу!

6.

Верификация инцидента на Марине породила целую мифологию, во всяком случае, так представлялась ситуация Вайсу. Безусловно, документация по делу оставалась засекреченной, но полностью исключить утечку информации было невозможно. Косые взгляды, тень на репутации – это мало волновало Яна. Тут он был с собой честен.

Но его сильно раздражали версии и гипотезы, исходящие от праздных «специалистов». Тех, кто ни разу не присутствовал лично при маринином «дожде», например.

Из кабинетов, да что там, даже из кают космолётов, трагедия представлялась несколько по иному, Вайс был убеждён в этом. Техническое обоснование подразумевало и технический же характер причинно-следственных связей. Вероятности уходили куда-то в квантовую плоскость и существенно отличались от бесконечности. Человеческий фактор умышленно нивелировался. Сознание погружали в среду обитания и рассматривали как реакцию на её раздражители.

Построение даже простых математических моделей доказывало относительную правомочность поведения в кризисных условиях. Реконструкция событий была, хоть и несколько умозрительной – попробуйте построить модель Марины, боюсь, тут вариант только один, разместить планету целиком в лаборатории – но и вполне адекватной на первый взгляд. Ирония заключалась в том, что Вайс как раз и не был согласен с выкладками, которые де-юре его оправдывали. Иногда он с внезапно нахлынувшим ужасом думал, что и сам ни в чём ещё не разобрался. И снова возникал вид со стороны, с высоты птичьего полёта – две маленьких фигурки на безумно фосфоресцирующем каменном плато. Осторожно передвигающихся под музыку электромагнитных дуг. На опушке кремниего леса, как они его называли. Даже не на загадочной планете, а под присмотром неведомого исполина, некой организованной субстанции, для которой отважные исследователи кажутся подобием раздражающих своим жужжанием мух.

– Вторая жена вот сучка так сучка, – вещал Мак-Грегор в очередной из одинаковых вечеров. – Вайс, почему нам не выдают нормальной выпивки сюда? Не могу уже хлебать эту бурду. Это не пиво, это пакость просто. Может ты прихватил контрабандой парочку элитных пузырьков?

Эван заговорщицки подмигнул, но Ян продолжал сидеть с непроницаемым видом.

– Она сбежала с этим ублюдком, Исидой, – продолжил Мак-Грегор ничуть не смутившись, – Я давно замечал, что эта патлатая сволочь положила на неё глаз. Но я держал её в ежовых рукавицах, если ты понимаешь, о чём я. Она не должна была забывать, что я вытащил её из этой забегаловки на втором северном портале. Где ей приходилось улыбаться всяким ублюдкам по 12 часов в день, обслуживая по 10 столиков за раз. Я вытащил её, Вайс и сделал своей женой и что я получил взамен?.. Ну-да, это была ошибка, меня немного тогда занесло, и ей пришлось расплачиваться с тем же Исидой. Не шла карта, Вайс. А этой косоглазой вши фартило как утопленнику. Помню до сих пор те две девятки против двух его пар. Чёрт возьми! Я едва не отыгрался, но... Моей сучке и надо-то было всего лишь раз ублажить эту обезьяну. Подумаешь, дело! В своём гадюшнике наверняка и не так приходилось раскорячиваться. Нечего было разыгрывать из себя принцессу Второй околосемной! Обычно я не поднимаю руку на женщин, Вайс. Но тут слегка не сдержался, я просто вышел из себя, ты должен понять. Карта не идёт. Напротив сидит эта сволочь косорылая и щерится довольно. Тут любой запсихует! Я бы и не узнал, что она сбежала потом именно с ним, если бы не дворник Йен из монтажной камеры. Этот детина занимал у меня иногда пятак до получки, ну и спалил их ненароком. Вначале я хотел найти падаль и пристукнуть, но потом плюнул. Сучек мало что ли? Пусть валят себе. Вот как называется такое вероломство, Вайс? Скажи мне.

Прыг-скок, подумал Вайс. Смешное название я придумал, правда? Можно было – паратемпоральный двухуровневый пространственно-временной переход. Ну или что-то в этом роде. Какой-нибудь глубокомысленный набор специальных научных слов. Которыми очень любят пользоваться писатели-фантасты, кропая свои никчёмные опусы. А так – прыг-скок. Похоже на ребяческую забаву.

В связи с определёнными событиями, случившимися позже, Ян ни разу не упомянул об этом феномене Марины в официальном отчёте. И на допросах расследования. Да и в неофициальных разговорах тоже. Это был его собственный крест. Фальсификация сущности. Нюанс, который многое объяснял и мог претендовать на научное открытие. Если только... Иногда на Вайса накатывала слабость – он предпочёл бы, чтобы никакого прыг-скока на самом деле не существовало, чтобы это был обыкновенный сон, мысленная абстракция, сегмент воспалённого воображения. Но слабость быстро проходила. Аналитический ум требовал экспериментального подтверждения. Сухого перечня фактов, детектирования аномалий. Но и его тоже не было. Оставался только сам «прыг-скок».

Забавно, если уместно привести в данном случае именно это определение – забавно, но в первый раз Ян даже толком не понял, что это произошло. Был рабочий типовой вечер, иллюминация за панорамным окном мерцала кричащими цветами. Вайс стоял перед стеклом, заложив руки за спину. В тот момент ему было страшно, он даже точно помнил этот страх – скребущий, мяукающий, вязкий. Без особой конкретной причины. Такое случалось с Яном всё чаще. Атмосфера Марины давила на психику.

Глядя на разверзшиеся небеса, Вайс думал о далёкой Земле, о собственной никчёмности, о том, что до конца вахты осталось всего 33 дня. Потом появилось красное раскалённое облако, очертанием похожее на прыгающую кошку. Вайс ещё подивился такой ассоциации, потому что у кошки было пять лап. Облако проявилось всего на несколько секунд, его тут же разорвало на клочки в могучем вихре экваториального ветра. Вайс моргнул и снова увидел пятилапую кошку. И она снова тут же растворилась в сумасшедшей магне на полотне над горизонтом, словно безумный художник-великан брызнул на картину все цвета разом. Тогда он даже не придал этому значения. Но позже, разумеется, вспомнил этот эпизод. Конечно, вспомнил.

7.

Второй участник экипажа «Эйджл» казался полной противоположностью Стайне.

Во всяком случае, первое впечатление у Вайса сложилось именно таким.

Реджинальд (Реджи) Хоукс.

Здоровый грузный мужчина с копной кудрявых рыжих волос и просвечивающимися веснушками на щёках. Его руки постоянно двигались, словно бы выискивая себе наиболее удобное место, чтобы успокоиться.

Ян ещё раз сверился с досье.

Возраст – 39 лет.

Пилот-экспедитор.

Стаж работы в должности – 13 лет.

Последний корабль – космический грузовик Эйджл.

Порт приписки – Мир Реконструкций, коммуникационный док.

Вполне приличный стаж. Можно сказать, космический волк.

Так. Что ещё?

Индивидуальные черты характера – Энергичен, активен, иногда вспыльчив. Профессиональные навыки на среднем уровне. Компрометирующих сведений нет. Проходил свидетелем по делу крушения транспорта Эльхом-77 на Рентенбруке.

Любопытно. Почему это указано в личном деле? – Вайс сделал пометку на листочке, что означало – позже уделить дополнительное внимание.

Вайс поднял взгляд от бумаг – пилот нервничал. Его выдавали не только руки, но и вся напряжённая поза, будто он сдерживался, чтобы не сорваться и не убежать куда глаза глядят.

– Что вы можете сказать по существу дела? – официальным голосом спросил Ян, откидываясь на спинку стула.

– Док, я же всё рассказывал уже, – Хоукс говорил, жестикулируя. – Мне жаль, что так вышло, серьёзно!

– Я не док, Реджинальд.

– Хех, Реджинальд! Сроду меня никто так не зовёт. Режди!

– Хорошо, Реджи, я не врач, я дознаватель из управления Службы Космической Безопасности.

– Понятно, док.

– Хм, – Вайс глянул на пилота с интересом. – Так, а по процедуре капитаном корабля числился Стайне, так?

– По процедуре – да. Ну, в смысле просто да.

– В таких случаях требуется санкция командира корабля на проведение работ?

– Теоретически да.

– И она была получена?

– Послушайте, док, – Реджи подался вперёд, копна на голове упруго колыхнулась. – Это не какая-то там чрезвычайная ситуация, это... ну обычная поломка. Один рейс у нас занимает по три месяца, если из-за каждой мелочёвки мы будем заполнять эти чёртовы формы, предписанные процедурой, мы свихнёмся. Я доложил Йогану, что полетел внешний локатор и что Вик пойдёт его чинить на корпус. Он ответил что-то вроде «умгу» или «окей». Я думаю, он даже толком не услышал, что я ему говорю. Он там был занят расшифровкой самописца правого инвертора. Потому что один из внешних локаторов – это ерунда по сравнению с тем, если гикнется инвертор.

– А откуда вы это знаете?

Реджи захихикал.

– На нашем грузовике другу от друга что-то трудно скрыть, док.

– Хочу заметить вам, что использование процедуры очень часто помогает избежать критических моментов. А в нестандартных ситуациях помогает объективно разобраться и определить степень виновности.

Пилот пожал плечами и стал смотреть в сторону.

– Итак, продолжим, – сказал Вайс после паузы. – Виктор Эйс вышел в открытый космос для ремонта внешнего локатора связи. Вы страховали его из рубки. Правильно?

– Ну да, всё так и было.

– Теперь послушайте, Реджинальд... Э-ээ, Режди. В ходе предварительного дознания вы не раз отмечали, что опыт инженерных работ в экстремальных условиях у вашего коллеги практически отсутствовал. Данный выход для него был всего вторым или третьим за всё время службы.

– Ну... Это ведь его обязанность чинить там всякие штуковины, но то он и бортинженер.

– Внутри корабля несомненно. Но не в открытом космосе во время полёта!

– Да прекратите...

– Хоукс, знаете, как это выглядит? Это выглядит так, что вы заставили человека без опыта заниматься ремонтом на обшивке снаружи. Хотя должны были делать это сами! Поэтому я и спросил вас про Стайне. Санкционировал ли он выход Виктора наружу. Получается, что он целиком положился на вас, а вы его подвели. Причём ваше самовольство привело к трагедии! Вы это осознаёте?

Пилот облизал губы.

– Вы какие-то странные вещи говорите. Дело плёвое было. А-ааа! – его лицо прояснилось, и он натужно рассмеялся, показывая на Вайса пальцем. – Вы же это несерьёзно, док?

– Учитывая, что произошло потом, как-то не до шуток, – заметил Вайс.

– Если вы меня задумали сделать стрелочником, то учтите, у меня есть адвокат. Я с ним свяжусь. Этот, как его? Мистер Блу... Блю...

– Пока вас никто ни в чём не обвиняет, – сказал Ян. – Мы пытаемся уточнить детали происшествия, только и всего. Давайте не будем отвлекаться на второстепенное.

– Давайте, – согласился Хоукс, – но учтите, что на меня ваши ловушки не действуют.

– Виктор оказался снаружи, что произошло потом?

– Он начал чинить локатор. Ковырялся там полгода.

– Вы поддерживали с ним радиосвязь?

– Ещё бы! Он никак не мог толком закрепиться на обшивке.

– Так, что дальше?

– Потом вышло такое дело. Всё из-за чего и произошло. Необходимо было отрегулировать фрикцион на поворотном основании панели локатора. А он находится на другой стороне этой фермы, к которой антенна пришпандорена. Я сказал ему возвращаться. Ну, то есть нужно было бы вернуться внутрь, пройти все небыстрые процедуры шлюзования, затем разобрать этот блок изнутри из корабля, отрегулировать, снова собрать и опять облачаться в скафандр, заново выходить наружу, чтобы уже сам локатор закрепить. Ну, он начал ругаться. Мол, он и так уже там столько торчит. Ныл, что устал и всё такое.

– Не совсем понял, – перебил его Вайс.

– Да всё понятно же. Можно было гораздо проще поступить, не возвращаться в корабль, оказаться на другой стороне фермы и сделать всё снаружи. Тогда бы не понадобилось всё разбирать-собирать. Только его страховочного фала для этого никак не хватало.

– Так. И что?

– Ну, он продолжал ругаться. Я сказал ему, что он и так, как корова на льду там пляшет, куда ему самому перебираться через ферму! Ну, он сказал, что, если я ему буду подсказывать, то всё получится. Я ответил, чтобы он шёл лесом, что я не собираюсь помогать ему становиться камикадзе. Он опять начал орать. Мы долго препирались, но он не отставал и я плюнул и сказал, что не буду нести ответственности, если с ним что-нибудь произойдёт. Он сказал ладно, ну и... там ещё добавил всякие неллицеприятные высказывания в мой адрес, попрошу занести в протокол, что он меня оскорблял! – Режди возмущённо махнул гривой. – Хотя что я тут распинаюсь, вы же наверняка прослушивали чёрные ящики, там же все переговоры фиксируются!

– Разумеется. Итак, что было дальше?

– Он отцепил фал и решил перелететь на ту сторону, включив маневровые движки на ранце. Я его предупредил, что это не так просто. Он не слушал ничего. Ну, я подсказывал, как мог. Сразу было видно, что он раньше только на тренажёрах такое делал. Вначале у него как будто получалось, он отделился даже и полетел параллельно обшивке на ту сторону, но потом...

– Что?

– Я не знаю, что, док. Не знаю, – пилот помотал головой. – Я за ним по монитору наблюдал и всё видел. То ли заело что в управлении у него, то ли потерял ориентировку. Сперва он закрутился, как волчок на месте. Я ему стал кричать. Он, по-моему, тоже кричал что-то. Потом он включил форсаж.

Хоукс замолчал и стал смотреть в пол.

Вайс тоже молчал, выжидая, когда у пилота кончится эмоциональный ступор.

– Его бросило на распорки солнечных батарей, – сказал наконец Реджи. – Как... не знаю... как из пращи. Один из тросов отрезал ему голову вместе со шлемом скафандра.

Ян заметил, как у пилота на висках выступил пот. Дыхание его стало частым, он заморгал, словно собирался расплакаться.

– Что-то ещё, Реджи? – Вайсу показалось, что собеседник недоговаривает.

– Н-нет... – Хоукс замялся.

– Давайте без протокола, – предложил Ян. – Можете мне доверять. Что случилось ещё?

– Ну ладно, – голос Хоукса внезапно охрип, – Валяйте. Только не считайте меня психом...

Так и быть скажу уж вам, пока не свихнулся. От такого можно и того... Хрень какая-то... Его голова... Ну когда, её уже отрезало... Я же видел всё по монитору. Когда она повернулась ко мне лицом... Чёрт!.. Он... Он открыл глаза и сказал мне что-то.

– Что-что?!

– Да. Я даже прочитал по губам, что он мне сказал... – Хоукс уставился в пол и запустил ладони в рыжие вихры, сжав голову.

– И... что именно?

– Он сказал... Сказал... «Реджи, не ходи сюда!».

8

Миранда. Миранда Хесс. Вайс отдавал себе отчёт, что обманывает себя. Но ничего не мог с собой поделать. Это было как игра. Даже не так. Как пьеса с заранее известным финалом. Но будто актёры представляли себе, что не догадываются о том, что произойдёт в конце. Что они проживают историю на самом деле. В реальном времени.

Миранда была не такая, как все. Не такая, как все остальные. Ян любил женщин. Обычно он довольно легко знакомился и так же легко расходился через непродолжительное время. Но если бы сейчас кто-нибудь заставил его подробно вспомнить о всех своих пассиях, Вайс бы не смог. Вернее сказать, что все его воспоминания ограничились бы какими-то неопределёнными смазанными контурами с яркими овалами вместо лиц. Нет, были, конечно, какие-то специфические интимные воспоминания, но ничего такого, чтобы сойти с ума. Или чтобы стать рабом такой страсти.

И вот Миранда. Теперь некрон, а тогда совсем молодая девушка. Когда они увиделись в первый раз, ей было семнадцать, а ему тридцать три.

Тёмными вечерами на Марине, при желании, Вайсу было бы чем ответить Мак-Грегору.

Миранда поразила Яна с первого взгляда. Она была крайне привлекательна – высокая, но не худая, фигурная, с выгодно выдающимися местам. Третью её головы над левым ухом с болтающимся в нём огромным кольцом, была выбрита наголо, остальная часть причёски стояла вертикально дыбом. Голубые раскосые глаза была подёрнуты поволокой равнодушия. Шею

опоясывала роспись причудливой татуировки. Она не признавала длинных юбок и любила, когда остальные пялятся на её глубокое декольте. Вайс никак не мог предполагать, что сможет чем-то заинтересовать её. И поначалу знакомства общение, мягко говоря, не клеилось. Но она его не отвергла. И через какое-то время произошла странная штука. Он понял, что скучает по её голосу. По запаху. По смеху.

Но всё это не имеет никакого отношения к происходящему. В самом деле.

Вайс не считал это составляющей своей жизни. Это был анклав, отдельно стоящий остров судьбы. Туда можно было навещаться, но нельзя было жить. А сейчас она уже инициирована. Поэтому в его душе было пусто, как в картонной коробке. И там, в этой коробке, после гулкой тишины, кто-то взял стекло, небольшой острый осколок, и прочертил линию с бумажным визгом.

Миранда.

Часто – по мнению Вайса очень часто – она находилась в изменённом сознании. Ничего не помогало. Ни уговоры, ни ультиматумы, ни угрозы. Это было весьма распространённым среди кандидатов в некроны, различались только методы достижения цели. Кратковременное и поверхностное прикосновение к состоянию инициированного или действующего некрона. Существовало несколько способов. Некоторые по старинке травили себя таблетками, но на таких посматривали косо. Большая часть применяла «психона», препарат, воздействующий на вторую сигнальную систему психоимпульсами определённой частоты. Ещё были электросуггесты, изменяющие электромагнитное взаимодействие нейронов мозга, самый опасный и рискованный метод.

Некрония по многим внешним признакам была своеобразной религией. Уделяющей меньше внимания антуражной части, но делающей упор на внутреннюю обработку своей паствы. Основным лозунгом катехизиса некронов было – готовься к смерти с рождения. Но, разумеется, это было слишком общим понятием, чтобы объяснить всю суть этого течения. Как ни странно, 80% adeptов составляли молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. Мало кто проходил инициацию в средних годах, а среди тех, чей возраст перевалил за 40 – были зафиксированы лишь единичные случаи. Собственно, активную жизнь в сообществе некронов можно было вести с момента вступления в группу ожидания и до инициации, которая по-другому называлась «истинным приближением к смерти» и после которой социальная жизнь индивидуума прекращалась. Кандидат становился действующим некроном, тело для которого было лишь сосудом для поддержания биологической жизни органов. Это отдалённо напоминало религиозное отшельничество, но в данном случае на себя замыкалось не только сознание, но и физическое состояние инициированного. По мнению сторонников движения, такое ментальное существование помогало встать на «лестницу в небеса» и осознать суть неведомого.

Однажды Миранда едва не убила его.

Хотя в тот момент это был, видимо, уже её фантом.

И она никогда не принадлежала ему, ни сразу с момента знакомства, ни, тем более, после того, как вступила в группу ожидания. А Вайс никак не мог смириться с этим. Он даже устраивал истерики, как ни стыдно было бы признаваться в этом бывшему штурману гвардейского флота. Он умащивал, скандалил, безобразно выходил из себя. Это происходило, когда Миранда была сама собой. Если же она находилась в изменённом состоянии, общаться на такие темы было бессмысленно.

Ян вспомнил, как яркую иллюстрацию: у него было поначалу отличное настроение, Миранда была нормальной, хотелось думать о совместном будущем. Но когда он завёл эту заезженную пластинку, она по обыкновению взбрыкнула. Слово за слово и они уже перепирались на повышенных тонах.

Он сказал, что пора с этим кончать, с этими походами в ночные истоки, с этими переговорами с подозрительными личностями, с этим враньём об её ухажёрах. Пообещал в сотый

раз, что он сможет, он оградит, он обеспечит ей. Она расхохоталась. Она сказала, что понимает его. И что сейчас всё объяснит.

Они сняли для свидания номер скромного мотеля на окраине. И валялись сейчас на огромной застеленной кровати. Она сменила позу, привстала перед ним на колени, потом присела на пятки и развела слегка ноги.

Я расскажу, сказала она. Ты просто не можешь принять мой образ жизни. Ты хочешь переделать его под понятный тебе. Под скучный, скукоженный, стерильный мирок зависимости и обиды. Ты не хочешь делить меня с другими мужчинами. Тебе претит сама мысль, что меня перед тобой имеет кто-то другой. Так ты рассуждаешь. А на самом деле тебя это просто заводит, и оттого, что ты не можешь с этим справиться, ты злишься и психуешь, да?.. правда же, заводит? И она гладила себя рукой между ног, пока говорила. И смотрела ему в глаза.

И он от этого терял дар речи и... И набрасывался на неё с безумством приговорённого к казни и для вида соглашался, впрочем одновременно нисколько не соглашаясь где-то там, в потёмках своей души.

9.

– Ну как, Вайс, вы уже все тутошные значные места посетили? – поинтересовался Кежич.

Коллеги с утра завтракали в гостиничном ресторане. Вернее, пока только ждали свой заказ. Мирослав крутил между пальцами блестящую вилку. Ян непроизвольно следил за его рукой.

– Вайс? – повторил Кежич.

– А? – Ян внутренне вздрогнул и очнулся от наваждения. – Да нет, какие тут заведения. А они разве здесь есть в принципе?

– Я встретил вчера вечером Логана, – сказал Мирослав. – Он был весел. Видимо, всё-таки посетил какую-нибудь девочку из капеллы. Его отзывают. Так что мы лишаемся своего персонального транспорта. Что вы такое этакое написали в отчёте шефу?

– Полагаете, эти события как-то связаны?

– Я просто рассуждаю, Вайс. Иногда это очень полезное занятие. Оно не требует больших энергетических затрат, но тем не менее обладает потрясающей эффективностью!

Официант принёс заказ и принялся расставлять блюда на столе.

Кежич подозрительно наблюдал за его действиями.

Вайс пригубил грейпфрутовый сок из высокого бокала.

– Что вы намерены предпринять теперь с нашими контрагентами? – поинтересовался Мирослав, когда официант ушёл. – Применить гипнозон?

– Вы просмотрели видеоотчет о беседах?

– Обижаете, Вайс. Я не только просмотрел его, я его проштудировал.

– И как?

– Честно говоря, я пока не обнаружил каких-то явных патологий по моей части, – Кежич принялся за яичницу с беконом.

– В самом деле? – искренне удивился Ян. – Ничего такого? Вы шутите, я надеюсь.

– Ну давайте не уподобляться обывательским домыслам. Все эти фантастические сюжеты, аханья и оханья. Для меня очевидна экзогенная природа расстройства, причём именно расстройства в психическом плане, а не какой-то выраженной патологии. Во всяком случае, пока.

– А как быть с одновременностью возникшего... эээ... расстройства?

– Элементарно-тривиальное объяснение, Ян! Элементарное. Отравление какими-то веществами.

– Наркотики?

– Не обязательно. Хотя не исключено.

– Что мы тогда тут делаем?

– А я не сказал, что тут всё предельно ясно. Я лишь констатировал, что именно по *моей* части пока ничего такого не наблюдается.

– Не обижайтесь, Мирослав, но какие-то вы, психиатры, скользкие, что ли, – Вайс обезоруживающе рассмеялся.

– Я не обижаюсь, – серьёзно сказал Кежич. – Это всё потому, что мы работники невидимого фронта. Мозги, это, понимаете ли, штука весьма своеобразная. А яичницу тут готовить не умеют.

Мирослав промокнул губы салфеткой.

– Скользкие, потому что вас не прижучить, – уточнил Вайс, отставляя столовый прибор. – Кстати, я не смог найти информации по Кенетербергским плантациям, которые упоминал Стайне. Это что, настолько засекречено?

– Вы не там искали, Вайс. Рассказать вам?

– Сделайте одолжение.

– Кенетербергские плантации – изначально полигон для выращивания органических соединений в замкнутых автономиях. Может, помните, была такая концепция Обособленных территорий? Практически её решено было применить на Землях Ойкумены. Так вот, в результате несанкционированных экспериментов, группой учёных, при попытке синтезировать органическую протоплазму, побочные эффекты привели к возникновению устойчивого штамма вируса Зед-Юла, который молниеносно распространился на весь научный городок в виде эпидемии. Прошляпила служба безопасности и контроля, которую посадили там для галочки. Большинство персонала погибло в страшных муках в первые 24 часа.

– И что было дальше?

– Ничего интересного. После экстренной эвакуации выживших, материк с Кенетербергскими плантациями был уничтожен ядерным ударом с орбиты.

– Кардинально, – озадаченно протянул Вайс.

– В те времена у руля Общего Совета был Исидор Тог. Не то, что нынешние конформисты.

– Мирослав! Что я слышу?! Неужели вы не лояльны к вышестоящему начальству?

– Не стоит иронизировать, Ян. Я о ситуации в целом.

– Ну-ну, – Вайс снова улыбнулся.

– Про Сикору Пленителя и Выпье племя, я полагаю, вы всё уточнили сами?

– А вы действительно неплохо проштудировали мой разговор с контрагентами!

– Конечно. Иногда мы годимся не только для коррекционного психоанализа, – Кежич впервые за разговор расплылся в ехидной улыбке.

– Сикора Пленитель, он же Вацлав Зденьски, он же Живой Грааль. Правильно?

– Всё верно. Разнорабочий в машинном доке Второй кольцевой. Прославился тем, что неизвестным до сих пор образом сумел замкнуть на себя электронное сетевое хранилище главного медицентра Планеты-матки. В своём коротком и единственном обращении «к миру» утверждал, что получил неограниченную власть и захватил в плен души всего человечества в пределах двух Колец. После этого исчез при таинственных обстоятельствах и его местонахождение до сих пор не известно. Хранилище медицентра было восстановлено через несколько секунд, никакого заметного урона электронной оболочке Сикора Пленитель не нанёс. Можно даже сказать, что воздействие его демарша осталось для основных информационных сетей незамеченным.

– Да, всё это я прочёл. И, наконец, вырожденцы-каннибалы. Выпье племя.

– Я бы не стал их называть вырожденцами. Просто не совсем обычные девианты.

– Ну это уже больше по вашей части.

– Вот именно. Выпье племя – племя каннибалов, долгое время беспрепятственно обитавшее на окраине постиндустриального мегаполиса Ерах планетной системы Двойка. Под вывеской секты-конфедерации легально рекрутировали в свои ряды жителей города, в основном маргиналов из обслуживающего персонала для изъятия у них малолетних девочек 7—12 лет с целью убийства и последующего приготовления и употребления их в пищу, в том числе и своими родителями. Согласие на данные действия со стороны родителей достигались путём использования запрещённых психотропных средств, массового электрогипноза и глубокого психофизического воздействия так называемых «вождей» секты. После разоблачения вся верхушка Выпьевого племени отправлена в Моорлок на пожизненные принудительные работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.